

Письма къ читателямъ.

Мы себя не осуждаемъ за то, что еще не достигли божественности... почему бы намъ осуждать болѣе молодья души за то, что онѣ еще не достигли до нашего уровня?

„Древняя Мудрость“.

Ученія Теософіи подобны яркому фонарю, освѣщающему всѣ темные углы жизни, на которые направленъ его свѣтъ. Къ такимъ темнымъ угламъ, не освѣщеннымъ сознаниемъ, принадлежатъ наши отношенія къ прислугѣ. Постараемся освѣтить ихъ.

Пробовали вы когда-либо разрѣшать вопросъ: какой внутренней смыслъ въ раздѣленіи людей на сословія? Почему этотъ человѣкъ родится въ роли господина, а тотъ -- въ роли слуги? Почему одинъ совсѣмъ освобожденъ отъ физическаго труда, а другой изнемогаетъ подъ его тяжестью? На подобные вопросы европейская наука отвѣчаетъ только съ точки зрѣнія внѣшняго строительства жизни, а не по существу. Нѣтъ ли въ этомъ разнообразіи человѣческой судьбы, въ этомъ рѣзкомъ различіи одной доли по сравненію съ другой глубокаго смысла, необходимаго для развитія *самого* человѣка? Для европейца, все вниманіе котораго устремлено на однѣ *видимости*, такой вопросъ не разрѣшимъ, такъ какъ онъ соприкасается уже съ скрытыми пружинами жизни.

По существу вопросъ о неравенствѣ разрѣшается только ученіями древней Мудрости. Основную ноту этихъ ученій составляетъ *идея единства Жизни*. Современная научная мысль снова подошла къ той же идеѣ подъ флагомъ монизма*). „Идеалистическій монизмъ“ можно бы назвать на современномъ европейскомъ языкѣ древнюю религію-науку, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ системъ. Она разсматриваетъ вселенную какъ единство, въ которомъ всѣ отдѣльныя части выполняютъ свою собственную

*) Ученіе объ единствѣ.

задачу. Когда онѣ стремятся осуществить ее какъ можно полнѣе и совершеннѣе, онѣ ведутъ вселенную къ совершенству, уклоняясь отъ выполненія *своей* задачи, онѣ нарушаютъ міровую гармонию. Яркой иллюстраціей этой мысли служитъ организмъ человѣка: здоровье, сила, красота и совершенство нашего организма обусловлено тѣмъ, чтобы всѣ отдѣльныя его части: мозгъ, сердце, легкія, желудокъ, нервы и т. д. выполняли въ совершенствѣ свои спеціальныя задачи. Если мы представимъ себѣ, что различныя части нашего тѣла хотя на одну минуту перепутають свои функции и сердце начнетъ дѣлать работу желудка, а легкія—работу мозга, нормальная жизнь организма должна притти въ невообразимый хаосъ. Отсюда неизбѣжный выводъ, что вся совокупность человѣческой жизни можетъ достигнуть совершенства лишь тогда, когда всѣ ея составныя части, т. е. каждый человѣкъ въ отдѣльности будетъ выполнять свою собственную задачу какъ можно совершеннѣе. Но онъ долженъ жить и выполнять эту задачу по тѣмъ линіямъ, которыя начертаны закономъ его собственной внутренней сути. Не однородность, а разнообразіе составныхъ частей требуется для совершенства вселенной. Это знали древніе Мудрецы и поэтому въ ихъ ученіяхъ отсутствуетъ идея *равенства* и всюду выступаетъ идея долга, сознаніе единства жизни и рѣзко выраженная постепенность въ эволюціи нравственности. Съ точки зрѣнія этихъ ученій, различія въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ являются необходимымъ средствомъ для постепеннаго роста внутренней сути человѣка; грѣхомъ же они становятся благодаря злоупотребленію силой, которая угнетаетъ слабыхъ, но это не есть результатъ ошибочности плана, а послѣдствіе несовершенства человѣка. Несовершенство развивающагося человѣка нарушаетъ гармонию общей жизни, нарушение гармоніи вызываетъ страданіе, а страданіе учитъ человѣка. Чтобы эти уроки соотвѣтствовали его внутренней сути и совпадали съ той ступенью развитія, до которой достигла его душа, человѣкъ воплощается въ различныхъ условіяхъ земной жизни. Весь строй древней Индіи съ ея кастами, этой *видимой* тканью ея общественной жизни, былъ основанъ на знаніи постепенной эволюціи человѣческой души. Наше знакомство съ кастами относится уже къ эпохѣ вырожденія Индіи, когда вся одухотворенность первоначальной жизни молодой арійской расы, руководимой мудрецами или Риши древней Индіи, замѣнилась омертвѣлыми формами, какъ это бываетъ всегда, когда одна міровая эпоха заканчивается и на очередь выступаютъ новыя задачи.

Если разсматривать древнія касты съ этой точки зрѣнія, мы увидимъ, что каждая изъ нихъ представляетъ свои особыя психологическія задачи, свои особыя восходящія линіи развитія. Это было не искусственное раздѣленіе, а выраженіе естественнаго порядка самой природы. Низшая каста, *Шудра*, имѣла задачей борьбу съ низшими инстинктами человѣка путемъ физическаго напряженія и повиновенія господину, который въ тѣ времена представлялъ дѣйствительно высшій типъ человѣка. Идеаломъ Шудры являлось совершенство въ послушаніи и вѣрность господину; въ слѣдующей кастѣ, *Ваишія* (купцовъ), человѣкъ приучался къ собственной инициативѣ, вырабатывалъ осмотрительность и проницательность; отъ него требовались безпристрастіе, щедрость, отсутствіе расточительности и добросовѣстное отношеніе къ труду подчиненныхъ. Его идеаломъ было праведное употребленіе земныхъ благъ. Въ третьей кастѣ, *Кшатрія* (воиновъ), къ которой принадлежали правители и воины, человѣкъ долженъ былъ защищать и охранять свой народъ. Въ этомъ состоялъ долгъ его жизни. Его идеаломъ была беззавѣтная отвага, великодушіе, защита слабыхъ, самоотреченіе. Послѣдняя каста, *Брамановъ*, учителей народа, требовала отъ человѣка равнодушія къ земнымъ благамъ и побѣды высшей природы надъ низшей. Предполагалось, что человѣкъ, воплотившійся въ кастѣ Брамановъ, прошелъ уже черезъ всѣ низшія ступени и приобрѣлъ нравственную силу и мудрость благодаря послушанію, совершенному исполненію своего долга и усиліямъ въ борьбѣ за правое дѣло, что и давало ему право учить другихъ. Идеаломъ и цѣлью Брамановъ являлась внутренняя свобода, всепрощеніе, любовь ко всему живому, чистота и единеніе съ Первоисточникомъ жизни. Во времена процвѣтанія Браманизма, его постановленія представляли собою дѣйствительную *школу народнаго воспитанія*, ибо они основывались на глубокомъ знаніи человѣческой души. Возьмемъ два закона, постоянно упоминаемые въ св. Писаніяхъ Востока, равносильнаго которымъ не имѣется ничего въ западной психологіи. Первый изъ нихъ—законъ *Дхармы*. Чтобы понять этотъ законъ, нужно не отрывать сознанія отъ эволюціи, т. е. понимать человѣка какъ существо движущееся впередъ и мѣняющееся по мѣрѣ своего развитія. Когда человѣкъ жилъ въ Карфагенѣ, онъ былъ совсѣмъ не то, что тотъ же человѣкъ представляетъ изъ себя, живя въ наше время—скажемъ—въ Англіи. Всѣ его понятія измѣнились, и нравственный критерій сталъ совершенно инымъ. Дхарма—понятіе сложное: это—показатель той ступени развитія, до которой достигла бессмертная инди-

видуальность человѣка, его я, и въ то же время законъ слѣдующей ступени его развитія. Вотъ почему Дхарма переводится то словомъ Законъ, то словомъ Долгъ. Знать свою Дхарму, значить вѣрно опредѣлять ступень, до которой достигла моя индивидуальность, и въ то же время сознавать законъ, по которому она должна развиваться далѣе. Не зная мѣста, которое я занимаю въ міровой жизни, я не могу безошибочно направлять мои шаги и далѣе.

Второй законъ, *Карма* или законъ причинности, опредѣляетъ всю земную судьбу человѣка; по картинному сравненію восточной мудрости, человѣкъ, посѣявшій терніи, не можетъ собрать пшеницу, а посѣявшій добрыя дѣла и добрыя мысли, не можетъ пожать ничего иного, кромѣ добра и блага. Эти два закона являлись тѣми ключами, которые въ древности раскрывали загадку человѣка, и они могли бы раскрыть ее и для насъ, если бы мы научились владѣть ими. На знаніи этихъ законовъ были основаны въ своемъ первоначальномъ видѣ и древнія касты, которыя имѣли цѣлью дать внѣшнія условія, подходящія для Дхармы каждой души, достигшей той или иной ступени развитія.

Тогда человѣкъ былъ менѣе сложенъ, чѣмъ теперь; благодаря этому и грани его жизни были рѣзче очерчены, чѣмъ въ наше время, когда люди свободно переходятъ изъ одного сословія въ другое.

Человѣкъ несетъ въ своемъ внутреннемъ существѣ три элемента: животнаго, человѣка и Бога. Весь длинный путь его разнообразнаго земнаго опыта направлень къ обузданію животнаго, къ развитію человѣческихъ свойствъ и къ раскрытію таящагося въ немъ божественнаго начала. Въ самомъ началѣ пути, когда душа вся еще въ возможности, когда она похожа на нераскрывшуюся завязь, всѣ вліянія извнѣ идутъ на то, чтобы разбудить ея дремлющія силы и обуздать ея животное начало. Чѣмъ же достигается такое обузданіе скорѣе всего? Усиленнымъ физическимъ трудомъ. Психологическую цѣль физическаго труда можно опредѣлить какъ использованіе животной энергіи съ цѣлью отвлечь силы человѣка отъ животныхъ страстей, которыя у первобытнаго человѣка очень сильны. Напрягая физическія силы человѣка, трудъ преодолеваетъ лѣнь, инертное начало, *tamas* Индусовъ, которое на этой ступени, когда преобладаетъ низшій полюсъ, легко одолеваетъ человѣка, заглушая еще зачаточныя силы его души, слабые ростки его воли, мысли и чувства. Если бы на этой низшей ступени не было принудительнаго физическаго труда, ничѣмъ не

сдерживаемыя животныя страсти развились бы до чрезвычайныхъ размѣровъ въ ущербъ высшимъ началамъ человѣка. Всѣ наблюденія надъ подонками современнаго общества, на примѣръ надъ восточными кули, переносящими тяжести, или надъ нашими крѣпичниками,—приводятъ къ тому, что сытая жизнь безъ необходимаго усиленнаго труда могла бы принести имъ только вредъ. На западѣ, гдѣ не извѣстенъ законъ Дхармы, дающій проникновеніе въ скрытую жизнь души, сложилось ошибочное представленіе, что все дѣло во внѣшнихъ условіяхъ жизни: дайте человѣку образованіе и нравственныя понятія, предоставьте ему благопріятную внѣшнюю обстановку и онъ сразу измѣнится. Наблюденія надъ жизнью говорятъ иное; они скорѣе подтверждаютъ ученія древняго Востока о постепенномъ переходѣ души съ одной ступени на другую, о различіи человѣческой Дхармы, на основаніи котораго запрещалось „смѣшеніе кастъ“. Въ наше время, когда усложнившаяся Дхарма современнаго человѣка требуетъ и соответствующаго разнообразія въ его переживаніяхъ, а слѣдовательно и въ общественныхъ условіяхъ, „смѣшеніе кастъ“ неизбѣжно, и было бы большимъ бѣдствіемъ, если бы люди начали искусственно строить стѣны между различными сословіями. Но пониманіе самаго закона необходимо, потому что оно даетъ ключъ ко многимъ загадкамъ человѣческой судьбы.

Если бы мы могли изслѣдовать человѣческое тѣло не только внѣшнимъ образомъ, а и внутреннимъ, т. е. безошибочно опредѣлить, какую степень отзывчивости отличаются его атомы и съ какой быстротой и энергіей они вибрируютъ, мы увидали бы большую разницу между тѣломъ средняго крестьянина и тѣломъ человѣка изъ интеллигентной среды. Первое вибрируетъ въ отвѣтъ на внѣшнія раздраженія медленно и не полно, отзываясь лишь на болѣе рѣзкія, и совершенно не отвѣчая на болѣе тонкія вибраціи. Стоитъ лишь представить себѣ крестьянина обыкновеннаго типа въ картинной галлерей, въ концертномъ залѣ или передъ театральной сценой, на которой идетъ символическая пьеса, чтобы убѣдиться въ этомъ. На это могутъ возразить, что тутъ дѣло не въ свойствахъ матеріала, изъ котораго построены организмъ крестьянина, а въ степени образованія и воспитанія. Но это не такъ. Правда, свободное смѣшеніе сословій создало для современнаго человѣка весьма сложную Карму, и можетъ случиться, что тонко развитой организмъ—въ силу кармической связи съ крестьянской семьей—воплотится именно въ этой семьѣ. Но это—не правило, а скорѣе исключеніе. Кто не знаетъ случаевъ, когда дѣти вне-

запно разбогатѣвшаго крестьянина, попадая въ условія интеллигентной среды и получая утонченное образованіе, кончали тѣмъ, что или сходили съ ума, или спивались и предавались инымъ излишествамъ? Отчего это? Оттого, что самый матеріаль, изъ котораго построены организмы такихъ, внезапно вырванныхъ изъ своей среды людей, требуетъ усиленнаго физическаго напряженія и способенъ отвѣчать только на грубыя и рѣзкія вибраціи, а между тѣмъ новыя условія ихъ жизни содѣйствуютъ полной физической праздности и окружаютъ ихъ такими утонченными вибраціями, на которыя совсѣмъ не находится отвѣта внутри ихъ организма. Благодаря такому несоотвѣтствію между организмомъ и средой, они обыкновенно отчаянно скучаютъ и оживляются только тогда, когда въ ихъ съ виду культурную жизнь врывается нѣчто очень дикое съ точки зрѣнія культурнаго человѣка, что-нибудь рѣзко бьющее по нервамъ. Вспоминаю, какъ много лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ еще совсѣмъ не знакомы были ученія Теософій, меня поразила исповѣдь одного крестьянскаго мальчика, отданнаго матерью въ годоваломъ возрастѣ на воспитаніе знакомой мнѣ помѣщицѣ, которая воспитывала его самымъ утонченнымъ образомъ, на французскомъ языкѣ, среди музыки, книгъ и самага любовнаго вниманія. Помню какъ этотъ мальчикъ рассказывалъ, когда сталъ постарше, какъ онъ мучительно скучалъ и какъ неудержимо его тянуло бросить и барскій домъ, и свою вторую мать, и убѣжать въ деревню. Особенно ему было трудно побороть свою тягу, когда до усадьбы доносились хороводныя пѣсни и шумы деревенской толпы. Этотъ не погибъ, но вѣроятно благодаря тому, что послѣ смерти своей воспитательницы получилъ клочекъ земли, на которой и работаетъ крестьянскую работу.

Изъ трехъ сословій, занимающихся исключительно физическимъ трудомъ: крестьянскаго, фабричнаго и прислуги, самая трудная доля и самая трудная психологія несомнѣнно у послѣдней. Если отбросить на время обычную для насъ, европейцевъ, точку зрѣнія и стать на точку зрѣнія теософическую, по которой всѣ многообразныя человѣческія переживанія и испытанія являются средствомъ для постепеннаго движенія къ совершенству, къ Богочеловѣчеству, и по которой всѣ мы въ разное время проходимъ одинъ и тотъ же путь, — тогда вся драма, совершающаяся на землѣ, приметъ въ нашихъ глазахъ совершенно новый характеръ, полный благого значенія. Тогда и наша собственная роль въ этой драмѣ изъ произвольной и независящей отъ нашей воли сдѣлается сознательной и отвѣтственной.

Если бросить общій взглядъ на путь, которымъ идетъ современное человѣчество, первый этапъ на этомъ пути—жизнь крестьянина. Если она протекаетъ нормально, здоровый трудъ и тѣсная связь съ природой придаетъ ей столько достоинства и такую цѣльность настроенія, какую не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ деревни. Но какъ ни хороши условія деревенской жизни, остановиться на этой ступени нельзя. Отъ тѣсной связи съ природой, отъ ея здоровой періодичности, человѣкъ *долженъ* перейти въ иную среду, гдѣ вліяніе природы отступаетъ на задній планъ и выдвигаются чисто человѣческія вліянія, соприкосновенія съ иными индивидуальностями, и, чѣмъ разнообразнѣе эти индивидуальности по степени своего развитія, чѣмъ ярче и многостороннѣе ихъ воздѣйствіе на душу человѣка, тѣмъ быстрѣе будетъ расти эта душа. Въ этомъ — внутренній смыслъ перехода изъ жизни сельской общины, гдѣ всѣ заняты однимъ дѣломъ и всѣ приблизительно равны, къ искусственной культурѣ городской жизни, гдѣ въ одномъ мѣстѣ соединяются люди всевозможныхъ профессій, гдѣ рядомъ съ рынками и фабриками вліяютъ музеи и университеты, картинныя галереи и консерваторіи, публичныя лекціи и театры.

Вообразите на минуту всѣ эти разнообразныя дѣятельности большого города въ видѣ невидимыхъ, но совершенно реальныхъ вибрацій, бьющихъ со всѣхъ сторонъ на молодую душу: потрясая ее, онѣ пробуждаютъ одну за другой всѣ дремлющія ея способности. Естественно, что ея цѣльность утрачивается, впечатлительность обостряется, нормальная дѣятельность нервной системы переходитъ въ тревожную, появляется неуравновѣшенность, внутренній разладъ. Явленіе это замѣчается всѣми, оно породило нескончаемыя жалобы на порчу и огрубѣніе нравовъ переселяющихся въ города сельскихъ жителей. Но жалобами ничему не можешь. Для того, чтобы помогать, нужно понимать смыслъ происходящаго передъ нами. Пониманіе той связи, которая существуетъ между внѣшними явленіями и ихъ невидимыми причинами, воспитываетъ въ человѣкѣ терпимость и доброжелательство и, вмѣсто негодованія, вызываетъ потребность сознательно участвовать въ творческомъ процессѣ жизни.

Признавъ внутреннюю необходимость перехода растущей человѣческой души отъ дѣтской ясности и простоты къ хаотической сложности и неуравновѣшенности, мы начнемъ понимать совершенно иначе и нашъ собственный долгъ относительно низшихъ сословій и прислуги.

Несомнѣнно, что самое раздѣленіе людей на господъ и на продающихъ свой трудъ слугъ—остатокъ варварства. Въ идеальномъ обществѣ всѣ будутъ служить другъ другу такъ или иначе, но не за деньги, а изъ сознанія единства жизни и изъ любви къ ближнему.

Но даже и въ наше время правильно понятія отношенія между образованнымъ слоємъ, идущимъ впереди, и некультурными представителями народа могли бы стать источникомъ блага и для тѣхъ, и для другихъ. Для слугъ—постоянное общеніе съ старшими по развитію и опыту могло бы вызвать болѣе быстрый переходъ на высшую ступень сознанія, для господъ—явилась бы возможность погасить свой долгъ относительно взрастившаго ихъ народа, за счетъ котораго они и получили возможность подняться на высоту. Такова идеальная схема человѣческаго общенія; но во что она выродилась подъ вліяніемъ эгоизма, который уничтожилъ самое сознаніе человѣческаго единства, замѣнивъ его обезсиляющимъ, основаннымъ на страданіи ближняго господствомъ личныхъ интересовъ,—это мы видимъ слишкомъ наглядно въ современной жизни, гдѣ страданіе слѣдуетъ за неправдой также неизбежно, какъ тѣнь за движущимся предметомъ.

Въ дѣйствительности, отношеніе „господъ“ къ прислугѣ полно безсердечнаго эгоизма, безмѣрныхъ претензій и презрительнаго равнодушія къ ея внутреннему міру. Благодаря этому, всѣ хорошія возможности для той и другой стороны превращаются въ дурную дѣйствительность: долгъ „господъ“ остается невыполненнымъ, а у слугъ—вмѣсто усиленнаго развитія—расцвѣтаютъ отрицательныя черты ума и характера, накапливается чувство обиды и недовѣрія, страсти направляются на вражду къ господамъ и невидимый міръ наполняется вибраціями взаимнаго раздраженія, горечи и ненависти.

Нельзя, конечно, не принять въ соображеніе того, что, благодаря современному смѣшенію сословій, человѣкъ, стоящій по своей Дхармѣ еще на очень низкой ступени развитія, получаетъ права, до которыхъ онъ совсѣмъ еще не доросъ. Благодаря этому, безпрестанно встрѣчаются „господа“, или очень мало, или совсѣмъ не поднявшіеся надъ уровнемъ своихъ слугъ. Съ этихъ и спрашивать нечего. Но это не оправдываетъ тѣхъ, которые имѣютъ внутреннее право на передовую постъ. Этотъ постъ налагаетъ на нихъ обязанность усовершенствовать жизнь, замѣнять ея отживающія формы высшими формами.

Прежній патріархальный характеръ между господами и слугами достигалъ у лучшихъ людей несомнѣнной красоты *). Это происходило отъ того, что и господа, и слуги жили одной жизнью, одними идеалами, и между ними сохранялась живая духовная связь. Связь эта нарушена. Интеллигенція отошла слишкомъ далеко отъ простоты и цѣльности патріархального строя, а слуги переживающіе трудный переходъ отъ естественной культуры къ сознательной, отличаются раздражительностью, безпринципностью, повышеннымъ самолюбіемъ и усиленной жадной новыхъ впечатлѣній; все это сводитъ взаимныя отношенія между обоими сословіями къ очень низкому уровню, къ чисто механической связи между покупающими чужой трудъ и продающими его.

Такія отношенія не имѣютъ будущаго; они должны замѣниться новымъ строемъ жизни.

Свѣтъ, бросаемый Теософіей, указываетъ ясно, по какимъ линіямъ долженъ слагаться этотъ новый строй, если наша жизнь дѣйствительно пойдетъ къ совершенствованію. „Господь“ и „слуга“ въ современномъ смыслѣ вовсе не будетъ. Сознаніе единства жизни и всеобщаго братства вызоветъ сознательное, отвѣчающее силамъ и способностямъ каждаго, участіе въ общемъ творествѣ. Добровольное раздѣленіе труда замѣнитъ принудительный трудъ. Отношеніе болѣе развитыхъ и сильныхъ духомъ къ такъ называемымъ низшимъ сословіямъ будетъ носить такой же характеръ любовной заботы, какую мы видимъ въ отношеніяхъ старшихъ къ младшимъ членамъ въ нормальной семьѣ. И это — не утопія. Какъ ни далека наша темная и грѣшная жизнь отъ этого свѣтлаго будущаго, но оно настанетъ: за это ручается неумирающее религиозное сознаніе человѣчества. Сознаніе это продолжаетъ жить въ нашей душѣ, какое бы имя мы ему не давали. Оно снова и снова

*) Изучать Дхарму развивающейся души въ связи съ кармическими условіями того или другого сословія труднѣе всего именно у насъ на Руси. Западная Европа имѣла свои ясно обозначенныя и строго разграниченныя сословія: ея феодалы и сервы проходили совершенно различныя школы жизни и психологія тѣхъ и другихъ была совершенно иная. Не то у насъ: наши бояре и крестьяне отличались только внѣшнимъ образомъ и психологія первыхъ была почти однородна съ психологіей послѣднихъ. Можно думать, что передъ русскимъ народомъ стояли не столько національно-психологическія, сколько общеміровыя духовныя задачи, которыя выполнялись соборно, всѣмъ народомъ; отсюда глубокой внутренней демократизмъ Россіи, не бывалый въ исторіи другихъ народовъ. Но это — вопросъ слишкомъ важный и сложный, чтобы его касаться мимоходомъ.

говорить намъ, что *есть* Богъ и внѣ, и внутри насъ, и что мы страдаемъ потому, что наша истинная стихія—не тьма и грѣхъ, а праведность и свѣтъ. Весь человѣческій путь состоитъ въ неутолимой жаднѣ этого свѣта, въ неугасающей потребности этой праведности.

Мы кружимся по лабиринту жизни не даромъ: намъ дана свобода движенія, но въ то же время данъ и внутренній показатель, который неизмѣнно даетъ знать, когда мы направляемся по невѣрному пути. Показатель этотъ страданіе. Мы стремимся избѣжать его, пробуемъ итти то по одному, то по другому направленію, снова возвращаемся, выбираемъ новую дорогу, а суть остается одна и та же: мы можемъ быть счастливы—не по видимостямъ, а по существу только тогда, когда наши дѣла совпадаютъ съ требованіями нашей совѣсти. Въ этой зависимости нашего счастья отъ нашей совѣсти и въ способности послѣдней расти и утончаться залогъ грядущаго свѣтлаго будущаго.

Сейчасъ наша жизнь темна и грѣшна, надъ ней какъ бы нависли черныя тучи; но безнадежна она была бы только въ томъ случаѣ, если бы мы не страдали отъ этой темноты. Но мы отъ нея страдаемъ и съ каждымъ поколѣніемъ будемъ страдать все сильнѣе: растущая совѣсть людей, все яснѣе говорящая о неизбѣжной зависимости личнаго благополучія отъ общаго блага, поможетъ людямъ пробить брешь въ этой нависшей надъ нами свинцовой тучѣ. Надъ нею сіяетъ все то же солнце, жизнь творящее и разливающее довольство и радость всюду, куда проникаютъ его лучи. Это солнце—любовь. Безъ ея животворящей силы всѣ темные углы нашей жизни, въ томъ числѣ и затронутый въ этомъ письмѣ, останутся навсегда темными и неприглядными, вызывающими недовольство и вражду. Наше сознаніе было такъ долго приковано къ одному земному, что мы и не замѣтили, какъ надъ нами все болѣе сгущались тучи, порожденныя эгоизмомъ однихъ и ожесточеніемъ другихъ. Необходимо повернуть фокусъ сознанія на *качество* нашей земной дѣятельности и тогда мы ясно увидимъ причинную связь удручающей насъ темноты жизни съ дурными качествами этой дѣятельности. Не нужно останавливаться на томъ, что „всѣ такъ дѣлаютъ“ и думать, что усилія одиночекъ бесплодны. Это невѣрно: добро сильнѣе зла и каждое праведное усиліе разрываетъ темныя тучи грѣха то тамъ, то здѣсь, и даетъ возможность проникнуть отдѣльнымъ лучамъ солнца. „И порознь ихъ отыскивая жадно, мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты“, сказалъ поэтъ. Превратить этотъ отблескъ

„вѣчной красоты“ въ яркое религіозное сознание, полюбить эту красоту такъ, чтобы безъ нея и жить на свѣтѣ было невозможно, вотъ къ чему мы должны стремиться, если хотимъ, чтобы свѣтъ одолѣлъ тьму, чтобы его лучи проникли во всѣ темные углы нашей жизни.

Другъ читателя.

Растить свою жизнь—служить Богу.

Есть благо духовное и благо тѣлесное. Тѣлесное благо мы видимъ и о немъ судимъ, но блага духовнаго не только не видимъ мы извнѣ, но часто не видитъ тотъ, кто его получаетъ.

Цѣль жизни есть только одна: стремиться къ тому совершенству, которое указалъ намъ Христосъ, сказавъ: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**